

Кречетова Ольга Викторовна

ПЕСЕННЫЙ ЗВУКОВОЙ КОД КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СВАДЬБЫ)

В статье делается попытка определения понятия "концептуальный код" и рассматриваются некоторые особенности песенного звукового кода в забайкальской казачьей свадьбе. Основное внимание автор уделяет семиотическому наполнению песенного звукового кода, его связи с акциональным кодом, которая обеспечивает жанровое разнообразие музыкальных произведений, сопровождающих различные свадебные обряды. Установлено, что песенный код имеет гендерные и половозрастные особенности и состоит из двух хоров: девичьего - со стороны невесты - и женского - со стороны жениха.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 127-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 008:81'22

Культурология

В статье делается попытка определения понятия «концептуальный код» и рассматриваются некоторые особенности песенного звукового кода в забайкальской казачьей свадьбе. Основное внимание автор уделяет семиотическому наполнению песенного звукового кода, его связи с акциональным кодом, которая обеспечивает жанровое разнообразие музыкальных произведений, сопровождающих различные свадебные обряды. Установлено, что песенный код имеет гендерные и половозрастные особенности и состоит из двух хором: девичьего – со стороны невесты – и женского – со стороны жениха.

Ключевые слова и фразы: забайкальский свадебный обряд; забайкальская казачья свадьба; традиции и обряды Забайкалья; переходные обряды русских Забайкалья; концептуальный код; звуковой код; забайкальская русская народная песня.

Кречетова Ольга Викторовна, к. филос. н.
Забайкальский государственный университет
kretchetova75@gmail.com

ПЕСЕННЫЙ ЗВУКОВОЙ КОД КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО КОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СВАДЬБЫ)

Особенности категоризации и концептуализации окружающей действительности человеком неизбежно фиксируются в языке, превращаясь при этом в различные языковые знаки. Это приводит к поиску концептуальных смыслов, лежащих в основе народных мировоззрений, нашедших свое воплощение в знаковых образованиях, называемых концептуальными кодами. *Целью* данной статьи является попытка осмысления реализации звукового кода на материале обрядовых текстов забайкальской казачьей свадьбы.

Существует большое количество научных работ, посвященных концептуальным кодам, как в контексте вербального языка, так и невербального языка ритуалов и народных обрядов (Т. А. Агапкина, 1996, 2002; Е. Е. Левкиевская, 1996, С. М. Толстая, 1996, 2008, 2010; О. А. Шарапова, 2014, М. В. Хохлачёва, 2014; W. Leezc-Hurtwich, 1993 и др.). В настоящей статье концептуальный код изучается в контексте определенного народного обряда, исследуется его смысловая нагрузка.

Бытование огромного пласта обрядовых действий и языковых текстов, связанных с архетипическими категориальными оппозициями *жизнь – смерть, свой – чужой*, подтверждают их значимость в рамках традиционных культур и помогают вскрыть механизм восприятия данных оппозиций целым этноколлективом. Стремление понять и осмыслить традиции, которые сохраняются по сей день, приводит к поиску прототипических концептуальных смыслов в текстах разного порядка.

Подобные знаковые образования являются вторичной мировоззренческой системой и имеют разную форму выражения. Этнолингвист С. М. Толстая определяет их, не только субстанционально разные наборы знаков («языки»), которые могут быть использованы для выражения того или иного содержания...¹, но и как объединения знаков на основе их общего содержания [12, с. 334]. Объединение знаков разного уровня в группировки или кластеры играет большую роль при передаче определенного значения, как отмечает американский семиолог В. Лидз-Хертвич, поскольку значение не передается отдельным знаком и не вырастает из отношений обозначающего к обозначаемому, но из отношений между самими знаками [15, р. 79].

Для того чтобы расширить понятие , концептуальный код², необходимо понимание того, как на самом деле человек использует знаки в процессе создания и передачи неких значений. Как отмечает В. Лидз-Хертвич далее, значение не заключено только в единичном знаке, оно , размазаной в целом коде, и поэтому изучения знаков только одного уровня, репрезентирующего концепт, явно недостаточно, потому как знаки , встроены» в код [Там же]. Так, знаки невербального кода реализуются одновременно с вербальными кодами и являются строительным материалом смысла всего кода. Смыслы культурных концептуальных кодов, таким образом, складываются из отдельных знаковых значений, которые дополняют, уточняют, расширяют друг друга.

Исходя из вышесказанного, можно определить концептуальный код следующим образом: это набор знаковых сущностей, причем неоднородных, как вербальных, так и невербальных, передающих смысл или содержание концепта. Каждый концепт, особенно культурный может содержать несколько таких концептуальных кодов. Каждый концептуальный код, в свою очередь, сам по себе может быть сложным по своей структуре и смысловой нагрузке и реализовывать как единичный, так и множественные смыслы одновременно через несколько знаковых образований или кодов.

В народной обрядности, особенно в обрядах перехода, важен голос – его качество или полное отсутствие. Звуковой знак, по справедливому замечанию С. М. Толстой, производимый человеческим голосом, наделяется «несравненно более широким спектром значений и магических функций, чем звуки вообще» [11, с. 10].

Звуковой свадебный код интересен по нескольким причинам: в нем совмещены и сосуществуют как вербальные ритуальные действия, так и невербальные (плач, рыдания, мотивы голошения и ритуальное

¹ Кречетова О. В., 2015

молчание, связанное с поведением жениха и невесты во время сватовства и выкупа, шепот при чтении оберегов и др.). Песенный свадебный звуковой код забайкальских казаков состоит из разножанровых текстов. В основном это песенные причитания, венчальные, лирические и величальные песни.

Собственно ритуальное песнопение включается в свадебный комплекс с обряда *пропивания* невесты. В основном в ритуальную речь включены песни-причитания, в которых прослеживаются мотивы упрека и мольбы невесты не отдавать ее замуж. Интересен тот факт, что невеста сохраняет молчание до обряда *пропивания*. Во время собственно сватовства и рукобитья невесте вменяется хранить молчание, демонстрируя покорность и послушание. Молчание нарушается лишь после начала вышеупомянутого обряда. Характер песен, исполняемых невестой во время *пропивания*, носит характер плача или причитания. Главный мотив этих песен – жалоба, упрек и просьба не выдавать ее замуж. Песни поочередно адресованы отцу, матери, братьям и сестрам:

*Уж ты ходишь, родной батюшка,
На больших, великих радостях,
Ты сбываешь меня, батюшка,
Как лютотого зверя из лесу,
Меня, девицу, с своего двора...
Ты, родимый мой батюшка,
Ты, родимая матушка,
Вы начто сидели зелено вино,
Зачем звали дорогих гостей?
Не меня ли сбываете [8, с. 28-29]?..*

Причем к братьям невеста обращается за помощью:

*Стань-ка, родимый братилко,
Поутру ты ранешенько,
Ты выйди-ка, милый братилко,
Ты далеке в чисто поле,
Во раздольцо широкое,
Засеки-ка засеку
От востока до западу,
Чтоб не пройти было, не проехати
Ни конному. Ни пешему,
Ни стречному, ни перечному,
Ни моему злоразлучнику [Там же, с. 31-32]...*

В текстах песен-причитаний вычленяются следующие оппозиции: невеста – жених/свекор, свекровь, невеста – родители, невеста – брат/сестра. Невеста и жених противопоставляются как оппозиция свой – чужой:

*Отставать-то мне будет
От воли батюшковой,
От воли матушкиной,
Приставать-то мне будет
К журбе-то свекровой,
К бранью свекровнину,
К моему злоразлучнику [Там же, с. 44].*

В большинстве песен-причетов четко прослеживается оппозиция невеста – девушки-подружки, что позволяет проследить параллели с северорусской свадьбой, вариантом которой является забайкальская свадьба, в целом, и казачья свадьба, в частности, поскольку в Забайкалье доминирует русский северный обычай проведения различных обыденных семейных и переходных ритуалов. Обрядовые песни в доме невесты исполнялись во время всего периода подготовки к свадьбе: в период девичника, обряда косокрашения, банного, смывания девьей красоты, намывания бабьей красой и т.д. Статус запросватанной девушки противопоставлял невесту и ее подруг. Песни-причитания, которые исполнялись во время девичника, носили в данном случае диалогический характер, поэтому их можно отнести к групповой форме причитаний:

– *Ах, ты, наша ласточка,
Ты, наша касаточка,
зачем так рано засваталася,
просваталася, задумалася, расплакалася?*
– *Не сама я запросваталася.
Запросватал-то меня родной батюшка,
запросватала-то меня родна матушка,
Приневолили родны брателки,
Приохотили родны сестрицы,
Спотакнул-то меня весь род-племя [Там же, с. 40]!*

Песни явно носят характер отчуждения, поскольку свадьба для девушки-невесты является переходным обрядом. После рукобитья невеста находилась в пограничном состоянии, т.е. уже не принадлежала к кругу девушек, но и к замужним женщинам тоже не относилась. По мнению исследователя северо-русской народной культуры Б. Б. Ефименковой, переход невесты из группы девушек в группу женщин – доминирующий аспект северной свадьбы, что находит отражение и в Забайкальской казачьей свадьбе. Далее исследователь отмечает, что переход невесты из одной половозрастной группы в другую носит погребальный характер и выражен даже более весомо, чем основная свадебная тема – противопоставление свой/чужой [3, с. 94]. Тема погребального характера песен-причитаний, исполняемых невестой, сопровождается ритуальным посещением своих родственников невестой для прощания. Она освобождается от тяжелой работы, все члены семьи относятся с повышенным вниманием к ней, исполняя любое желание. Этим самым подчеркивается пограничное состояние девушки в переходный период – , умирания, закатывания девьей красы. Акт , закатывания красoty также сопровождался жалобным песнопением подруг и расплетанием косы, которую уже не заплетали до самой свадьбы. Невеста вынимала из косы , жемчужную кисть – символ , девичьей воли – и более уже никогда ее не одевала:

– Батюшка, дайди, русу косу расплети!
– Бог с тобой, мое дитячко!
Расплетут косу подруженьки,
Косу расплетут, по плечам раскладут [8, с. 81]...

К близким погребальному свадебным обрядам также относится , прощание невесты с Солнцем, когда невеста в сопровождении своих подруг на закате выходила из дома и пела специальные ритуальные песни:

Выходила я на широкую улицу,
На прекрасное круто крылечко,
Смотрела на все четыре стороны,
И взглянула же я
На закатную дальну сторонушку:
Закатается солнце красное
За горы да за высокие,
За долинушки за широкие,
...Только я да сижу, красная девица,
Не по-старому, не по-новому!
Буйная головушка не учесана,
Жемчужная кисть не увязана [Там же, с. 75]!

Девушка , хоронит свою красоту и девичество. Необходимо отметить, что все обряды должны были сопровождаться плачем или , вытьем.

Среди прочих групповых звуковых кодов невесты и ее подруг, выделяется ряд причетных песен, исполняемых во время обряда посещения невестой кладбища для прощания с умершими родственниками. Обряд проводился только в том случае, если невеста была сиротой, как подчеркивает ряд собирателей [5, с. 164; 10, с. 26]. В обряде совмещались несколько ритуальных действий, как вербальных, так и невербальных (в частности, плач невесты на фоне исполнения подругами). В подобных текстах наблюдается несколько вариантов оформления – призывание разных стихий природы или пространственных локусов помочь высвободить покойных родственников для благословения дочери на брак:

Долина моя, долина,
Мать-раздолье широкое!
Ты скажи, скажи, долина,
С которой сторонушки
Ко мне батюшко в гости будет?..
Ветры вы мои, ветры буйные,
Надуйте тучи грозовые
Со громами со гремучими,
Со молниями вы со сверкучими,
Со дождями вы со ливучими!
Вы, грома мои гремучие,
Расшибите мать-сыру землю!..
Я пойду, пойду на кладбище,
Я взойду на гору на высокую,
Я ударю в звонкий колокол,
Я ударю в переливчатый.
Ты раздайся, мать-сыра земля,
Ты откройся, гробова доска,
Поднимись, родимый батюшка (матушка) [8, с. 67, 69, 71]!

Подобные тексты носят не только характер причитания, но и заклинания, о чем свидетельствуют языческие обращения за помощью к различным природным стихиям. Структура самого текста: повтор синтаксических конструкций, использование повелительного наклонения также говорят о характере заклинания, содержащегося в тексте песен, предназначенных для отправления обряда.

Среди песенных звуковых кодов в свадебной обрядности забайкальских казаков также выделяются песни, которые исполняют женщины-стряпухи во время приготовления свадебного стола. Ритуальное приготовление курников, рассольников и других обязательных свадебных блюд начиналось с приглашения младшим родственником невесты или жениха, на курникѣ. В каждый дом стучали в окно и приглашали принять участие в ритуальном приготовлении свадебного стола. Стряпухи пели лирические свадебные песни, которые исполнялись при отправлении разных обрядовых действий и носили повествовательный характер. Для таких песен характерно групповое исполнение:

*У плота, плота медяного,
У весельшка серебряного
Черпали воду девушки,
Уносили молодухи.
Неоткуль взялся удалый молодец.
На добром коне подъезживает,
Свет Семен, сударь Васильевич,
Шелковой плеткой помахивает,
Путь-дороженьку выпрашивает,
Что куда эта дороженька лежит?
Как ко тестеву ко двору,
Ко тещиному терему,
К Катериной светлице [Там же, с. 45].*

Совершенно другим настроением обладают песни, которые исполнялись на так называемых, курниках в доме жениха и выкупе. Сам по себе звуковой код в обрядах сбора поезда, предсвадебных столов у жениха (, курникаѣ) и невесты, , браньяѣ (выкупа) очень полифоничен. Он характеризуется как женскими текстами, так и мужскими, поскольку на первый план выходит главный распорядитель всей свадебной церемонии – дружка жениха. Дружка, являясь знатоком свадебных обрядов и главным исполнителем свадебных обрядов, принимал активное участие в составлении поезда жениха, приглашая заранее оговоренных кандидатов в , поезжаней. После избрания последнего поезжанина, как указывает В. С. Левашов, женщины-певицы в доме жениха исполняли специальную песню , Сборы, вы мои сборыѣ, в которой перечислялись все поезжане, затем следовал званый обед [Там же, с. 114].

Величальные песни пелись всем участникам свадебного поезда: самому жениху, тысяцкому, свахе, большому боярину, поезжанину женатому и неженатому, мальчику, участвовавшему в поезде, дружке:

*Тысяцкий воевода, Иван Николаевич,
Ты поедешь во орду воевати,
Воюй в орде да не долго, три часочка,
Ты бери в орду не кунами,
А бери головами со девыми красотами,
Со русыми косами...
У нас друженька на ногу легок.
Кому друженька поклонится,
И всем гостям он низко кланяется,
И он яства за яством переменяет,
И все свои пути дороженьки рассказывает [Там же, с. 120]...*

, Славилѣѣ поезжан и в доме невесты за день до самого венчания. Однако перед приездом снова пелись песни-причитания самой невестой , по себе». Хор невесты, состоявший, в основном, из ее подруг, исполнял песни, посвященные жениху и невесте. Песни выстроены в форме диалога между женихом, который добивается невесты, и самой девушкой, которая не хочет ему уступать. Такие песни носят характер переключки между родами:

*Иван к Катерине припадывает,
Семенович Васильевну выпрашивает:
– Скажи, скажи, Васильевна, правду всю:
Кто же тебе мил во роду?
– Милый-то милешеньким – батюшка родной.
– Ах, Васильевна моя, неправда твоя!
Неправду говоришь, мое сердце грустишь [Там же, с. 160]!*

Диалог продолжался до тех пор, пока невеста не признается, что жених ей , милѣ.

Во время сборов в доме невесты на следующий день после званых обедов в доме жениха и невесты, хор невесты перед выкупом исполнял причеты:

*Уж и как-то я буду, млада,
Буду жить во чужом дому,
Во чужом незнакомом дому?
Уже смогу ли я понравиться
Своему свекру-батюшке
Да своей свекрови-матушке* [Там же, с. 163].

Противопоставление двух родов продолжается девичьим хором в песне, Поезжане-то пешком пришли:

*Поезжане-то пешком пришли,
Жениха-то в мешке принесли;
Приходили лоскутники,
Увели нашу солопницу;
Приходили чарошники,
Увели нашу башмачницу;
Приходили просмешники,
Увели нашу красавицу* [Там же, с. 167]!

Во время самой свадьбы женский хор пел те же величальные песни, что и в досвадебной обрядности. Величальные песни поются каждому гостю поочередно, особенно жениху и его поезду. Песни, посвященные невесте, содержат сожаление о ее утраченной девьей красе и носят характер причитаний:

*Уж как и девью-то красоту
За сто верст видели,
Что за тысячу слышали,
А уж бабья-то красота
По избе она таскалася,
По подлабочью валялася,
Во смоле-то она купалася,
Черемицею обсыпалася;
Под порогом-то не слышать ее,
За дверями-то не видеть ее* [Там же, с. 177]!

В целом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Смыслы, заключенные в звуковом свадебном коде, отраженном в обрядовых песнях забайкальских казаков, передают концептуальные смыслы двух оппозиций *жизнь – смерть* (песни-причеты) и *свой – чужой*.

Звуковой песенный код неотделим от обрядовых действий и выступает как единое целое с акциональным кодом, который мы определяем как совокупность ритуально-обрядовых актов, имеющих и выражающих определенную смысловую нагрузку. Так, женский песенный код очень ярко выражен в свадебной песенной обрядности забайкальских казаков. Именно поэтому, концепт является комбинацией различных знаковых систем, функционирующих в поле одного концепта и имеющих различную наполняемость, но передающих одинаковый смысл. Смыслы могут быть выражены как вербально, так и невербально. Это общие, взаимно перекрывающиеся системы или схемы поведения.

Перспектива дальнейшего исследования свадебного звукового кода забайкальских казаков видится в вычленении вербального звукового кода, а именно свадебных оберегов, которые требуют отдельного культурологического и лингвистического описаний.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2012. 816 с.
2. Агапкина Т. А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре славян. М.: Индрик, 2000. 336 с.
3. Ефименкова Б. Б. Оппозиция невеста/девушки в музыкальном коде северорусской свадьбы // Голос и ритуал: мат-лы конф., организованной Фольклорной комиссией Союза композиторов России и Институтом искусствознания РАН. М.: Гос. ин-т искусствознания, 1995. С. 94-99.
4. Кашин Н. И. Празднества и забавы приаргунцев / ВСОРГО. СПб., 1858.
5. Кашин Н. И. Свадебные обычаи приаргунцев / ВСОРГО. СПб., 1860.
6. Концепт движения в языке и культуре / отв. ред. Т. А. Агапкина. М.: Индрик, 1996. 384 с.
7. Лапин В. А. Групповая свадебная причеть: вид, жанр или жанровая разновидность? [Электронный ресурс]. URL: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-209-8/978-5-88431-209-8_28.pdf (дата обращения: 15.01.2015).
8. Левашов В. С. Забайкальская казачья свадьба / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т; подготовка текстов, сост., вступ. ст. и примеч. В. С. Левашова. Новосибирск: Наука, 2010. 279 с.

9. **Логиновский К. Д.** О быте казаков Восточного Забайкалья // Живая старина. СПб., 1902. Вып. 2. С. 182-200.
10. **Логиновский К. Д.** Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 1-94.
11. **Мир звучащий и мир молчаливый. Семiotика звука и речи в традиционной культуре славян** / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 1999. 336 с.
12. **Толстая С. М.** Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
13. **Хохлачёва М. В.** Музыкальный код саратовского свадебного обряда (на примере песен северной зоны Приволжской возвышенности) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. 3. С. 197-200.
14. **Шарапова О. А.** Поэтика песен оренбургского казачества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. 1. С. 209-212.
15. **Leeze-Hurtwich W.** Semiotics and Communication: Signs, Codes, Cultures. Indiana, 1993. 256 p.

**SONG-LIKE SOUND CODE AS KIND OF CONCEPTUAL CODE
(BY THE MATERIAL OF TRANSBAIKAL COSSACK WEDDING)**

Krechetova Ol'ga Viktorovna, Ph. D. in Philosophy
Transbaikal State University
krechetova75@gmail.com

In the article the attempt to define the notion “conceptual code” is made and some peculiarities of song sound code in Transbaikal Cossack wedding are considered. Main attention is paid to the semiotic filling of song sound code, its connection with action code, which provides a variety of the genres of the musical compositions of different wedding rites. It is ascertained that song code has gender and age-related peculiarities and consists of two choruses: girlish – from the bride’s side and woman’s – from the bridegroom’s side.

Key words and phrases: Transbaikal wedding rite; Transbaikal Cossack wedding; traditions and rites of Transbaikal region; transitional rites of the Russians of Transbaikal region; conceptual code; sound code; Transbaikal Russian folk song.

УДК 94(571.6)(512.2)

Исторические науки и археология

В статье проведен анализ мер социальной поддержки государства автохтонного населения Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в. Выявлены основные направления деятельности российских властей в области учета и контроля аборигенов, дана характеристика врачебной помощи данной категории лиц, представлены главные причины слабой организации этого процесса. Особое внимание в статье уделено мероприятиям, направленным на решение проблемы алкоголизации коренных жителей Дальнего Востока.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток; автохтонное население; социальная поддержка; материальная помощь; алкоголизация инородцев.

Кузьмина Ольга Александровна, к.и.н.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
petr0va@mail.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ГОСУДАРСТВА АВТОХТОННОГО
НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ©**

Вторая половина XIX – начало XX в. стали для Российской империи периодом глобальных переселений. В результате проводимой переселенческой политики удалось сформировать образ регионального социума восточной окраины, который был представлен восточнославянскими и коренными народами, а также иммигрантами из Кореи, Китая и Японии.

Характеризуя меры социальной поддержки вышеуказанных групп населения, следует отметить, что их объем был неодинаков и зависел от позиции властей к участникам процесса заселения и освоения региона. Особое внимание уделялось русскоязычному населению. Данное обстоятельство объяснялось тем, что русская миграция являлась массовой, проходила при участии и поддержке центральных органов власти, рассматривалась как мера защиты восточной окраины от азиатских государств.

Азиатская иммиграция в большей мере носила эпизодический характер, позиционировалась как источник дополнительных трудовых ресурсов для освоения Дальнего Востока – исключение составили переселения